Ольга Бергольц

Каждый, кто приезжает в Петербург первый раз, испытывает потрясение при виде его мостов, зданий, тех самых, среди которых ходили Пушкин и Достоевский, Ахматова и Блок. Можно потрогать тех самых грифонов, тех самых Клодтовых коней на Аничковом мосту… И вдруг – надпись: «Внимание! При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна». Это на Невском… Не сразу доходит, что всех этих зданий, мостов, грифонов, коней, львов и сфинксов могло бы и не быть… Потому что была война, потому что была блокада. Потому что город уже и не бомбили, а расстреливали из пушек, потому что город был обречён чужой злой волей на смерть. Медленную и мучительную. Но город выжил. Выжил ценой миллионов жизней своих граждан. Вечный покой нашли они на Пискарёвском кладбище. Надпись на мемориальной стеле, установленной там, провозглашает:

Под непрерывным огнём с неба, с земли и с воды
Подвиг свой ежедневный
Вы совершали достойно и просто
И вместе с отчизной своей
Вы все одержали победу.

Эти траурные торжественные слова принадлежат Ольге Бергольц. 16 мая 2010 года ей исполняется 100 лет.

Вдруг начинаешь понимать, как это мало – сто лет. Ведь ещё многие живы, кто помнит её голос, звучавший из радиоприемников в блокадном городе. По радио звучал стук метронома, как ещё живое сердце, и звучал её голос, звучали её стихи. Как тоненькая ниточка, привязывающая к жизни, как последняя соломинка для многих...

Питер. Город, где она родилась весной 1910 года в доме № 2/6 по Палевскому бульвару. Это была знаменитая рабочая окраина Петербурга. Невская застава. Отец её, Фёдор Христофорович Берггольц, был известным за Невской заставой врачом. А дед, Христофор Фёдорович Берггольц, был почётным гражданином Петербурга. Вряд ли она могла породниться с посадскими заставскими людьми. Но вмешалась революция, те

самые десять дней, которые потрясли мир. Раннее детство Ольги совпало с этим событием. И мысль о том, что предстоит совершить что-то огромное, невероятное, построить какой-то новый, неведомый мир заставляло трепетать детскую душу. Ведь, по словам Ольги Фёдоровны, «между человеком и историей не может быть пропасти, не может быть и маленькой расщелинки».

Она была удивительно красивой: тоненькая, ясноглазая, с чудной золотой косой. Каким же страшным, свинцовым колесом прошлась История по судьбе этой девочки. Удивительно совпало, что одним из первых её детских воспоминаний было розоватое трепещущее пламя, всегда видное из окна их дома на Палевском. Бабушка и няня Дуня говорили, что это работает «чугунный завод»… Одно зарево семилетней Ольге особенно запомнилось: оно заполняло все окошки маленькой деревянной спальни, и по этому трепещущему грозному фону летали чёрные, бешено фукающие головешки. Вцепившись в руку Дуни, няни сестёр Берггольц, Оля бормотала:

- Ой, Дуня, ой, что это такое?! Ой, мы загоримся! - А няня, прижимая девочку к своей груди, крестясь, приговаривала:

- Да ничего, Лялечка, ничего. Просто участок (полицейский) жгут, фабрично-заводские взбунтовались… Это была осень 1917 года.

Отблеск этого страшного зарева лёг на всю её жизнь. Голод в Питере в 17, голод в Угличе, куда увезла детей мать, чтобы не пропасть в голодном Петрограде 18-го.

В Угличе было не сладко. Их поместили в келье Богоявленского девичьего монастыря. Мать работала в школе, учила взрослых читать и писать – ликбез. Девочки оставались до глубокой ночи запертыми в морозной келье. При монастыре было кладбище, на котором покоились «старцы». Монашки, дежурившие в школе, где учились девочки, рассказывали, что старцы иногда встают из могил. Девочкам, восьмилетней Лёле и шестилетней Мусе, было страшно. Как хорошо, что они уговорили маму взять рыжую бездомную собаку Тузика! Дети делились с ней скудной своей едой, а она платила им великой любовью и оберегала их.

Девочки учили уроки при крошечной коптилке, стараясь не дышать – коптилка бы погасла, а спичку мама им оставляла только одну. Надо было беречь спички. Тузик сидел рядом, готовый в любую минуту броситься на старцев, если они встанут из могил и будут ломиться в келью. Однажды Муся глубоко вздохнула, коптилка погасла, спичка сломалась… Девочки оцепенели от внезапной тьмы.

- Теперь мы все умрём – басом сказала Муся.

- Ничего прошептала Оля, - скоро вернётся мама.

Тузик подошёл, положив лапы Ольге на плечи, деловито облизал лица девочек. Он держался как самый старший в доме. Тьма и ужас отступили. Так вместе с Тузиком коротали зиму, ждали папу, который воевал в Красной Армии. Он был военврач. Ждали конец войны и возвращения в Петроград, к родным, к хлебу, к светлой висячей лампе. Только Тузика пришлось оставить И хотя пса приютили хорошие люди, это была первая большая потеря в жизни Ольги. Если бы она была единственная!

Потом, в страшные тридцатые, когда репрессии отобрали у неё и мужа, поэта Бориса Корнилова, и ребёнка, она вспоминала тёмное бедственное жильё времени детства и гражданской войны как место величайшего, торжествующего, окончательного счастья. Ведь после тридцать седьмого года скоро началась война, и блокада. 900 дней мужества.

Для того, чтоб жить в кольце блокады,
Ежедневно смертный слышать свист, -
Сколько силы нам, соседка, надо,
Сколько ненависти и любви…

Эти строки из стихотворения «Разговор с соседкой», написанного 5 декабря 1941 года, когда хлебный паёк в Ленинграде составлял от 125 до 250 граммов в день. И больше НИЧЕГО. Разрежьте стандартную буханку на четыре части. Одна четвёртая буханки. Это взрослому, если он работает. А теперь отрежьте от неё две трети. Это ребёнку, или старику, или тому, кто не может работать. Подержите в руке эти куски. Представьте, что

это вам на сутки. А ещё надо работать. А ещё дежурить на крыше и тушить зажигалки. А ещё идти за водой на реку…

А город был в дремучий убран иней.
Уездные сугробы, тишина…
Не отыскать в снегу трамвайных линий,
одних полозьев жалоба слышна.
Скрипят, скрипят по Невскому полозья,
на детских санках, узеньких, смешных,
в кастрюльках воду голубую возят,
дрова и скарб, умерших и больных…

Она все это пережила, она спасалась стихами и стихи спасали. И её и тех, кто слышал голос Ольги Берггольц по радио в голодном, замёрзающем, расстреливаемом городе. И с ними, истощёнными, голодными, слабыми людьми ничего не смог сделать сильный, сытый, жестокий враг. Город выстоял. Блокада была снята, а потом пришла Победа.

Что может враг? Разрушить и убить.
И только-то?
А я могу любить,
А мне не счесть души моей богатства,
А я затем хочу и буду жить,
Чтоб всю её,
Как дано людскому братству,
На жертвенник всемирный положить.

© Л.Е. Сычева, главный библиотекарь